

УДК 821.161.1 Станюкович

**КРЫМСКИЙ МИФ В ТВОРЧЕСТВЕ К. М. СТАНЮКОВИЧА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ «ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА»,
«СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»)**

Лисицына Е. Ю.

**Институт педагогического образования и менеджмента (филиал) ФГАОУ ВО
«КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Армянске, Россия
E-mail: gorbinko.elena@gmail.com**

В современном литературоведении актуальной темой является взаимосвязь двух понятий: «топосный свертхтекст» и «миф». Поскольку познание мира происходит в основном через литературно-художественные произведения, то они или называются мифами, или содержат столько структурных и содержательных элементов мифа (мифологем, мифем), что последние становятся определяющими для понимания и оценки данного произведения. В нашем исследовании акцент сделан на изучении структурных компонентов крымского мифа, который становится «фундаментом» для образования крымского текста. Необходимо отметить, что миф постоянно эволюционировал, поэтому в нем отображены культурные изменения на разных исторических этапах. В данной статье показаны сегменты мифа рубежа XIX–XX веков, которые присутствуют в произведениях К. М. Станюковича «Черноморская Сирена» и «Свадебное путешествие». Подробно рассмотрены мифологемы «мусульманский край» (топонимика, культурные объекты, миф о Бахчисарайском фонтане), «дорогой отдых», «уединенное место» и «крымский пейзаж», мифемы Партеон и Сирена. Каждый из рассматриваемых компонентов крымского мифа функционирует не только в рамках художественных текстов К. М. Станюковича, они формировались и ранее, а в повестях актуализировались.

Ключевые слова: крымский миф, мифологема, мифема, К. М. Станюкович.

Проблема взаимодействия мифа и литературы не нова для науки, но в последнее время она становится объектом пристального внимания отечественных ученых (Т. М. Алпеева, М. Ю. Вышина, С. Ю. Гуцол, И. М. Дьяконов, И. А. Едошина, Н. А. Кобылко, С. О. Курьянов, А. П. Люсый, В. В. Орехов, Л. А. Орехова, Е. П. Ращевская, А. В. Ставицкий, М. Элиаде и др.). В крымских реалиях актуальной считаем проблему возникновения и эволюции крымского мифа. Согласно работам С. О. Курьянова, термин «крымский миф» призван объединить все представления о Крымском полуострове, которые проявились в литературе. Несмотря на возрастающий интерес к проблеме крымского мифа на сегодня мало исследований посвящено его сущности, генезису и структуре. Данное обстоятельство связано с ложным или неполным толкованием ключевого

понятия – миф: с одной стороны, его недооценивают, представляя как нечто простое и понятное, а с другой – переоценивают, и тогда мнимая сложность его понимания заводит исследователя в тупик.

Цель статьи – выявить и проанализировать компоненты крымского мифа (мифологемы, мифемы) в повестях К. М. Станюковича «Черноморская Сирена» и «Свадебное путешествие».

Т. М. Фадеева, анализируя сакральное пространство Крымского полуострова, говорит о наличии у мифа двух смыслов: исторического и символического. При этом не следует думать, что они противоречат друг другу. Религиозно-символическая точка зрения помогает подчеркнуть значимость исторических событий, как выражение высших реалий [17, с. 275]. Поэтому она не только отображает исторические факты, но имеет в себе скрытый смысл, послание, направленное потомкам через века. В ней содержится то, что было самым главным, самым сокровенным для авторов мифов. Процесс «одушевления мира и даже определенного его очеловечивания по своему характеру является мифологичным, так как вводит в мифологическое пространство все, что для нас является интересным и значимым» [13, с. 36].

Миф – это восприятие мира индивидуумом, его осмысление и принятие, поэтому он порождает текст, отображающий внешний мир, каким его чувствует человек. Миф можно рассматривать с точки зрения литературоведческой прагматики, специфическим предметом которой «является художественная коммуникация – как закодированная в самом тексте в определенной системе приемов и фигур, так и осуществленная в практике реального чтения» [16, с. 150]. Теория литературного поведения, обоснованная в научных изысканиях Ю. М. Лотмана в рамках семиотического подхода, – наглядный пример влияния художественного текста на модель поведения человека. Опыт, полученный с помощью литературы, помогает конструировать жизненные ситуации, предвосхищая итог, или же подталкивает к формированию определенной модели поведения. Например, читая многочисленные заметки, рассказы, очерки, повести

и т. п. об отдыхающих на крымском побережье героях, люди также стремились туда попасть.

На рубеже веков для жителя Москвы или Санкт-Петербурга Крымский полуостров ассоциировался, прежде всего, с античным прошлым, морем, солнцем, горами, виноградом, крымскими татарами. А из этого набора константных признаков сформировались крымские мифологемы и мифемы.

Согласно исследованиям психолога С. Ю. Гуцола, мифологема – это «специфический гносеологический образ, отличительной чертой которого является непосредственное единство двух планов – предметного и символического, константа мифологического мышления, минимальная единица мифологического дискурса, который хранит качество мифа» [3, с. 103]. И. М. Дьяконов именует мифологемами «сюжетообразующие персонажи и ситуации, определяющие общее содержание мифического сюжета и способные повторяться в семантически однородных рядах» [4, с. 191]. Е. Ю. Шейгал также определил мифологему как вербальный носитель мифа [18]. И. А. Едошина подчеркивает, что, несмотря на все различия, мифологема тесно связана с мифом: вырастает из него и не может быть адекватно воспринята вне своего источника. Не найдено еще исследователями и однозначного определения мифемы, которую часто отождествляют с мифологемой. В «Литературоведческой энциклопедии» терминологическое различие поясняется так: «мифологема – это обломок мифа, который именно из-за процесса дробления потерял свои автохтонную характеристику и функции», а «мифема – наименьший, мельчайший элемент мифа» [9, с. 54]. Е. П. Рашевская определяет мифему как «более частный образ, который функционирует на меньшем историко-культурном пространстве, чаще в пределах одного художественного произведения», а «сущностным ядром мифемы является личный мистический опыт художника» [12, с. 4]. М. Ю. Вышина под мифемой понимает «использование в литературе имен мифологических героев и определенных мифологических фактов», также считая мифологему более широким понятием: «введение в художественный текст известного мифологического сюжета или мотива». Таким образом, мифема выполняет

«изобразительную функцию (вызывает в воображении читателя определенные ассоциации)», не меняя хода событий, а «мифологема – формообразующую, структурируя весь сюжет» [1, с. 141].

Учитывая представленные определения, в исследовании мы будем руководствоваться следующим понятием мифологема: это *минимальная вербальная единица мифа, которая повторяется в семантически однородных рядах, хранит качества мифа и не может быть адекватно дешифрована вне данного мифологического дискурса*. А под мифемой, вслед за М. Ю. Вышиной, понимаем *«использование в художественном тексте имен мифологических героев и определенных мифологических фактов»* [5, с. 5].

В статье рассмотрим лишь некоторые крымские мифологема и мифемы: «мусульманский край», «дорогой отдых», «место уединения», «Партедон», «Сирена». Материалом для исследования стали «крымские» произведения К. М. Станюковича: повести «Черноморская Сирена» (1896 г.) и «Свадебное путешествие» (1902 г.).

Станюкович Константин Михайлович, крымчанин с польской родословной, родился в Севастополе в 1843 г. События Крымской войны кардинально изменили жизнь юноши, он вынужден был выехать из родного города и продолжить обучение в Санкт-Петербурге в Морском кадетском корпусе. Военную службу вскоре заменило писательское дело. К. М. Станюкович прославился как писатель-маринист, морские рассказы и повести неоднократно перепечатывались и всегда охотно воспринимались публикой. Особое внимание автор уделял родному Крыму, описывая не только красоту природы, но и разные грани общественной и культурной жизни полуострова. Например, экзотичность Крыма реализовалась в мифологеме «мусульманский край» (условное название).

Анализируя мифологему «мусульманский край» в контексте крымского мифа рубежа XIX–XX веков, невозможно не заметить сочетание в ней разных смыслов: «обитель неверных», «нечистая земля», «экзотика», «крымские татары», «коренные жители», «сограждане», «восточные легенды», «ханский дворец», «Бахчисарайский фонтан» и т. д. Этот набор характеристик указывает на

специфический признак мифологемы – способность объединять противоположные понятия: верх/низ; рай/ад; добро/зло. В прозе К. М. Станюковича при детальном изучении также обнаруживаются некоторые из этих представлений.

Одной из примет полуострова писатель называет крымско-татарское население: *«Все здесь говорило обь югъ. И эти татары съ южнаго берега...»* [15, с. 256]. Наблюдательный читатель сразу обратит внимание, что рассказчик конкретизировал местность – юг – и главной характеристикой обозначил присутствие крымских татар. То есть для писателя крымские татары – это жители южного побережья, а не всего Крыма. Незадолго до К. М. Станюковича путешественник Е. Л. Марков не был столь категоричен в суждениях и соотнес татар с Северным Крымом. Начиная свой крымский вояж в перекопских степях, он вполне определенно заявил, что встретить здесь татарина – обычно дело: *«степь особенно кажется степью, и Крым – Крымом, когда встречаешь верхом на маленькой кобылке какого-нибудь хаджи в белой чалме»* [8, с. 36]. Конечно, за три десятилетия представления путешественников о национальном составе полуострова существенно переменялись. В повести К. М. Станюковича представлены впечатления о более позднем периоде жизни полуострова, моменте, когда экзотическая составляющая Крымского мифа сконцентрировалась в южной части.

Многонациональность полуострова – типичная примета, не удивляет проезжающих и «сожительство» в одном городе нескольких конфессий: *«Налъво виднѣлись бѣлые дома Симферополя, утопающіе въ зелени садовъ, съ золотыми маковками церквей, съ куполами мечетей и верхушками минаретовъ»* [15, с. 257]. Симферополь не был единственным городом с таким разнообразием религиозных сооружений, в целом для Крыма это характерная черта. До сих пор во многих городах полуострова рядом находятся мусульманские, православные, католические храмы. Не вызывает удивления и то, что герой повести воспринимает этот пейзаж спокойно. При дальнейшем рассказе его интонация не меняется, и Оверин уверенно перечисляет крымско-татарские названия почтовых

станций по дороге из Симферополя в Севастополь. Экзотическая тюркская топонимика – это культурно-историческая память Крыма, каждое название отражает взгляд местного населения на окружающий мир: «*Все здѣсь говорило объ югѣ. <...> ...и эти названія дальнѣйшихъ станцій: Булганакъ, Алла, Шакуль, Бахчисарай...*» [15, с. 257]. Из четырех названий неискушенный читатель поймет только одно, ведь многие селения давно переименованы или (что намного печальней) исчезли с топографической карты Крыма. Рассмотрим подробнее указанные топонимы.

Булганакъ в переводе с крымско-татарского означает «грязный, мутный» и на старинных картах употребляется в качестве гидронима (реки Булганак, Восточный и Западный Булганак). Неблагозвучное название реки получили неслучайно, ведь источники маловодные, а жарким крымским летом пересыхают. Западный Булганак, например, наполняется водой только во время активного снеготаяния или же после сильных дождей. В художественном тексте распространенный крымский топоним выступает в качестве ойконима (старое название сел Пожарское, Кольчугино в Симферопольском районе, Добролюбовка в Кировском районе, Бондаренково в Ленинском районе, исчезнувшего села Суслово в Белогорском районе). В повести Станюковича герой мог назвать село Пожарское, поскольку именно оно раньше выполняло функцию почтовой станции.

Следующий экзотизм – *Шакуль* – на крымско-татарском звучит как Шакъул, исследователи предположи, что слово образовано от арабского имени Шакирулла и переводится как «прославляющий Аллаха». Достоверных и однозначных сведений о происхождении названия в авторитетных научных изданиях недостаточно. Ныне село Шакъул в Бахчисарайском районе переименовано в Самохвалово.

Особый интерес представляет топоним *Алла*. Вероятнее всего, искаженное название станции 4-го класса Альма, которая была построена в 1874 году вблизи села Почтового на Курско-Лозово-Севастопольской железной дороге. Название возникло по аналогии с ойконимом Альма. Долину этой реки описала в

путеводителе М. А. Сосногорова (книга до сих пор переиздается многотысячными тиражами, а знатоки отмечают небывалую точность в описании местности): «... здесь протекает речка Алма, сделавшаяся историческою со времени последней крымской войны, и дорога захватывает часть Алминской долины, покрытой превосходными садами <...> из которых ежегодно отправляют внутрь России, особенно в Москву, многия тысячи пудов яблок, известных в продаже под названием “крымских”» [11, с. 160]. В переводе с крымско-татарского алма – яблоко, яблочный, это пример точной характеристики данной местности.

Следующий топоним, упоминаемый Овериним, – *Бахчисарай*, который переводится с крымско-татарского как «дворец в саду» и окутан многовековой историей Крымского полуострова. Возник город на рубеже XV–XVI веков, когда хан Гирей перенес столицу из Старого Крыма на берег реки Чурук-Су. Более 350 лет город был сосредоточием политической власти династии Гиреев и главным культурным центром Крымского ханства. Герой К. М. Станюковича видит город Бахчисарай издалека и по традиции именуется живописной столицей ханов, центром национальной культуры крымских татар: «*Вотъ и Бахчисарай – это татарское гнѣздо, живописный маленькій городокъ <...> съ домиками, которые лѣнятся одинъ около другого, со множествомъ мечетей*» [15, с. 257]. Архитектура незамысловатая, но полностью отражает дух городка: многочисленные строения и обязательный атрибут мусульманского селения – мечети. Особенно выделяется на фоне остальных сооружений Ханский дворец: «*Овѣринъ вспомнилъ, конечно, про Бахчисарайскій фонтанъ, про дворець крымскихъ хановъ*» [15, с. 257].

Бахчисарайский дворец привлекал внимание путешественников и поэтов-романтиков XVIII, XIX и XX веков. Настоящую славу ему принесла южная поэма А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Созданная великим поэтом удивительная огранка для небольшой легенды о сооружении неприметного фонтана слез в ханском дворце и преподнесенные две розы вдохновили последующие поколения (Адам Мицкевич, Леся Украинка) на размышления и

восхищения. Романтические образы полячки Марии и хана Гирея навсегда останутся спутниками этого памятника архитектуры. Л. А. Орехова провела интересное исследование, связанное с влиянием пушкинской поэмы на путешественников первой половины XIX века, и отметила, что «романтическое представление корректируется реальными личными впечатлениями. Впечатления эти зависят не только от исторических реалий (состояние построек Дворца, интерьера и т. п. в разное историческое время), но и от психологического настроения путешественника» [10, с. 258]. К сожалению, герой повести не посетил Бахчисарай, но молодой писатель Оверин определенно находился под властью Бахчисарайского мифа, некогда умело созданного А. С. Пушкиным.

После живописного описания мусульманского Крыма автор показывает нам полуостров с другой культурой. Герои попадают в Севастополь: «<...> красовалось красивое здание въ греческомъ стилѣ возстановленнаго Петропавловскаго собора <...> съ портикомъ и колоннадой, напоминающими Партемонъ» [15, с. 258–259]. В восстановленной после войны архитектуре города автор видит отголоски античной традиции, а именно древнегреческой. Рассказчик сравнивает христианский храм с языческим святилищем. Партемон, храм Афины Партемонской (Девственной), до сих пор сохранившийся в Афинах, считается символом всей Греции. Вполне вероятно, влетая в повествование мифему, автор хотел подчеркнуть преемственность традиций. Также К. М. Станюкович постепенно подводит к следующей мифеме, которая тоже неразрывно связана с греческой цивилизацией.

В новой локации постепенно проясняется символика названия повести. Черноморской Сиреной прозвали очаровательную Марианну Николаевну Христофори, приехавшую «откуда-то с юга». Молодая красавица, по рассказам бывалых путешественников, проводит в Крыму в одиночестве каждую весну и осень. Для разъяснения символики перифраза следует вспомнить истоки мифа о сиренах. Сиренами в греческой мифологии называют полуженщин-полуптиц, которые волшебным пением губят мореходов. По «Одиссее» Гомера, они обитают на острове, лежащем между островом Кирки Эей и чудовищем Скиллой.

У К. М. Станюковича культурологическая связь с древними мифами сохранилась, но содержательная составляющая трансформировалась в рамках реалистического метода повествования. Так, Сирена тоже обладает способностью сводить с ума мужчин, но без использования сверхъестественных чар: *«Назвали ее такъ потому, что она оболваниваетъ вашего брата, молодыхъ людей... Да и старыхъ тоже»* [15, с. 288]; *«Адмирала и того съ ума свела», «Слышала? Здѣсь и Сирена водится... Всѣхъ съ ума сводить»* [15, с. 260]; *«Манитъ и топить въ моръ?»* [15, с. 267]. Главные инструменты Сирены Станюковича – внешность и обаяние, а не удивительный неземной голос. Тем не менее Марианна Николаевна так же, как мифологический прототип, собирает вокруг себя мужчин всех возрастов и чинов: мичман, инженер, капитан парохода, петербургский чиновник, товарищ министра и др. Таинственности и загадочности образу придает вид роковой красавицы (*«ослѣпительная блондинка лѣтъ двадцати пяти, высокая, стройная и гибкая»* [15, с. 273]; *«...залитая блескомъ луннаго свѣта, легкою, плывущею походкой <...> Овѣринъ успѣлъ замѣтить необыкновенную бѣлизну красиваго лица, черные глаза, взглянувшіе на него, и рыжіе волосы»* [15, с. 263–264]) и немногословность дамы: *«И вообще о себѣ не говоритъ»* [15, с. 267]. Как видим, мифема «Сирена», реализованная в художественном тексте, сохраняет ключевые характеристики прообраза, что придает ей исключительность: несхожесть с другими женщинами, внешняя привлекательность, способность сводить мужчин с ума разговорами. Это проявление аффективного плана мифа, т. е. мифический образ, призван вызывать те же эмоции, какие вызывает референт. Но при этом Сирена органично вписывается в общество XIX века: богата, одета по последней моде, умна, начитана.

Описанные выше компоненты крымского мифа дополняет еще одна деталь. Нередко экзотический Крым ассоциируется с местом, где можно спрятаться от шумных петербургских и московских салонов: *«...и вся эта петербургская жизнь съ ея сутолокой, ресторанами и островами вдругъ показалась ему такой пошлой и ничтожной»* [15, с. 259]. Отголоски этого качества были заметны еще в прозе А. П. Чехова, а в последующей литературе только усиливаются. Писатель Оверин

отправляется в Севастополь: *«Вагон прямого сообщения до Севастополя? Первый класс?»* [15, с. 243], – по рекомендации врача подлечить нервную систему: *«... пришел доктор Валькевич и посоветовал мне отдохнуть... <...> Советоваль так месяц-другой полное уединение!»* [15, с. 247].

Для героев К. М. Станюковича Крым часто становится потаенным уголком, способным скрыть возлюбленных от суматохи и подарить вдохновение поэту: *«Весело болтая о том, как должно быть хорошо теперь в Крыму, как уединенно поселятся они в Алушке, Мисхоре или Ялте...»* [15, с. 255]; *«здѣсь в Крыму любовь его возродится съ новою силою»* [15, с. 258]; *«И ему казалось, что именно на берегу моря онъ долженъ написать что-нибудь значительное»* [15, с. 259]. *«Какая прелесть, – невольно воскликнулъ Овѣринъ, любуясь южной природой и чувствуя какую-то бодрящую жизнерадостную силу въ своей груди»* [15, с. 256]. В представленной цитате мы видим соединение пейзажа и уединения, что указывает на органичную связь всех компонентов крымского мифа, его объединяющую функцию. Присутствует и резкое противопоставление северного Петербурга южному Крыму: *«Онъ вспомнил про Петербургъ, про эти острова, сырые и холодные, и какъ хорошо казалось ему здѣсь»* [15, с. 256]. По определению А. П. Люсого, таврический миф является южным полюсом петербургского мифа. Разнятся два культурных пространства не только месторасположением на карте, но и пейзажем. Мрачные тона петербургских углов резко контрастируют с жизнерадостностью южной природы. Примечательно, что поездка Екатерины II в Тавриду была запланирована таким образом, чтобы выехать из зимнего сумрачного Петербурга и прибыть на летний цветущий полуостров. Таврический вояж прекрасно демонстрирует полюсность Петербурга и Крыма.

Даже сейчас невозможно представить Крым, отдых и лечение здесь вне его природы. В повести «Черноморская Сирена» крымский пейзаж описан ярко и поэтично: *«Овѣринъ жадно вдыхалъ чудный, полный острой свѣжести, воздухъ ранняго майскаго крымскаго утра и любовался дивнымъ пейзажемъ. <...> А далѣе виднѣлись цѣпи горъ съ ихъ верхушками, подернутыми золотистой*

дымкой. <...> И надъ всѣмъ этимъ медленно поднималось ослѣпительное солнце по бирюзовому безоблачному небу, заливая блескомъ сады, поля и деревни» [15, с. 256]. Тем не менее есть обратная сторона крымских прелестей: «*Экое свинство! Даже порядочной пристани не могли устроить!*» [15, с. 280]; «*Она [Алупка] все же меньше загажена московскими купчихами, чѣмъ Ялта*» [15, с. 287]. Проявляется дуалистическая природа мифологемы «крымский пейзаж»: сочетание прекрасного и безобразного. Прослеживается реалистический план Крымского мифа и соединение историко-генетической и актуальной части мифологемы.

В другом же произведении автора, повести «Свадебное путешествие», начиная разговор о Крыме, главный герой, вероятно, ранее не бывавший здесь, перечисляет наиболее явные приметы: «*И как хорошо мы проживем в Крыму... Море... Горы... Тепло... Прогулки...*» [14, с. 688].

Мифологема «дорогой отдых» в полной мере реализуется в повести «Свадебное путешествие». Молодожены – Никс и Мета – в день венчания незамедлительно отправляются на отдых. Из разговора невесты с матерью становится ясно, что маршрут лежит в Крым: «*...Пришли в Алупку мой берет...*» [14, с. 681]. Опираясь на публицистику начала XX века, мы пришли к выводу, что свадебное путешествие на юг – это обычная практика для состоятельных молодоженов [2]. Герои К. М. Станюковича проведут на южном берегу не менее месяца: «*Ведь ненадолго прощаемся, Мета...? // – На месяц, мама*» [14, с. 682]. Столь длительный период требует немалых затрат, которые могут себе позволить люди «из “монда” (высшего света – Е. Л.)» [14, с. 679]. Автор дает подробное описание невесты, подчеркивая дороговизну нарядов и свойственный аристократам бронзовый цвет кожи (загар показывал, что человек может себе позволить отдых у моря): «*...высокая, стройная брюнетка с крупной родинкой на загоревшейся матовой щеке <...> была в “стильном” сером дорожном платье...*» [14, с. 681]. Жених охарактеризован не менее ярко, но его вид более щегольской: «*Никс, плотный, цветущий, красивый блондин <...> с*

подстриженной маленькой бородкой и пушистыми, кверху вздернутыми усами, в темно-синем вестоне и в мягкой шляпе...» [14, с. 682].

Из разговора Никса с другом читатель узнает, что он обычный ловелас, надеющийся деньгами молодой жены откупиться от многочисленных кредиторов: *«Но, главное, уговори моих подлецов кредиторов... <...> Убеди, что получу же за женой средства... Со всеми расплачусь»; «Неловко было сказать, что, кроме долгов, ничего...»; «Положение мое отчаянное... Кругом в долгах... Вексель...» [14].* Мета, как оказалось, тоже неплатежеспособна. Узнав об этом, Николай оставляет ее одну, сойдя с поезда на ближайшей станции. Таким образом, «лакмусовая бумажка» в виде отдыха в Крыму указала на погрешности брака. Медовый месяц на дорогом южном курорте не состоялся из-за двусторонней лжи о финансовом положении.

Примечательно, что автор устами другого героя, дяди Марьи Александровны, поощряет желание соотечественников поднимать престиж русского курорта: *«Благоразумно сделали, что везете жену в Крым. Отдыхать и тратить деньги лучше дома, чем за границей!» [14, с. 682].* Однако он также косвенно указывает на дороговизну крымского вояжа.

ВЫВОДЫ

Крым в сознании русских писателей конца XIX – начала XX века по традиции сильно мифологизирован (впрочем, мифологизация Крыма сохраняется в литературе до сих пор). Художественный текст «крымских» повестей К. М. Станюковича, несомненно, несет в себе элементы мифов (как древних, так и новых), – своеобразных мифологизированных представлений. И это становится способом постижения художником окружающей действительности, что формально выражается в наборе своеобразных мифологем и мифем, расшифровка которых возможна лишь при условии знания культурно-исторического кода, взятого за основу писателем.

Проанализировав две повести К. М. Станюковича, мы выделили наиболее значимые компоненты крымского мифа, как усвоенные и воспроизведенные, так

и вновь порожденные. Так, мифологема «мусульманский край» включает тюркскую топонимику, авторскую интерпретацию образа крымских татар, миф о Бахчисарайском фонтане. Мифемы «Партедон» и «Сирена» связаны с античным прошлым Крымского полуострова и показывают связь Крыма с древнегреческой культурой. Мифологемы «уединенное место» и «крымский пейзаж» находятся в тесной взаимосвязи и в определенной мере противопоставляют теплый южный берег Крыма холодному и пасмурному Санкт-Петербургу. Следует отметить, что в семантике каждого компонента присутствуют оппозиционные элементы, что свойственно для структуры мифа.

Список литературы

1. Вишина, М. Парадигма ключових понять мифологічного аналізу художнього тексту [Текст] / М. Вишина // Вісник Житомирського державного університету. – 2010. – Вип. 55. Філологічні науки. – С. 140–143.
2. Газетные старости [Электронный ресурс]: обзор русских газет начала XX века. – Режим доступа: <http://www.starosti.ru/>. – (Дата обращения: 01.02.2017).
3. Гуцол, С. Психологічні особливості структурних складових неомифологічного нарративу [Текст] / С. Гуцол. // Вісник НГУУ «КПШ». Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2011. – Вип. 1. – С. 103–108
4. Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – 3-е изд. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.
5. Кобылко, Н. А. Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы [Электронный ресурс] / Н. А. Кобылко // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. – С. 4–6. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5817/>. – (Дата обращения: 26.02.2017).
6. Курьянов, С. О. «...тайный ключ русской литературы»: генезис, структура и функционирование Крымского текста в русской литературе X–XIX веков [Текст]: монография / С. О. Курьянов. – Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 424 с.

7. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый. – СПб.: Алетейя, 2003. – 314 с.
8. Марков, Е. Л. Очерки Крыма [Текст]: картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – Симферополь: ООО «Терра-АйТи», 2015. – 528 с.
9. Міфологема [Текст] // Літературознавча енциклопедія: у 2 т. / Уклад. Ю. А. Ковалів. – Т. 2: М (Маадай-Кара) – Я (Я-форма). – Київ: Академія, 2007. – 624 с.
10. Орехова, Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации [Текст] / Л. А. Орехова // Крым в жизни и творчестве А. С. Пушкина (Материалы Всероссийского форума, посвященного 215-й годовщине со дня рождения поэта, 6–8 июня 2014 г.) // Вестник Псковского государственного университета. – Выпуск 1. – Серия «Социально-гуманитарные науки». – Псков: Псковский государственный университет, 2015. – С. 258–265.
11. Путеводитель по Крыму для путешественников [Текст]: с приложением статьи: «Берег Крыма от Феодосии до Евпатории как климато-лечебная местность» / М. Сосногорова – 2 изд. исправл. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1874. – 362 с.
12. Ращевская, Е. П. Космогонический миф Даниила Андреева и культура Серебряного века [Текст]: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Е. П. Ращевская. – Киров, 2006. – 17 с.
13. Ставицкий, А. В. Онтология современного мифа [Текст] / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 544 с.
14. Собрание сочинений К. М. Станюковича: в 10 т. – Т. 10: Рассказы и повести. – М.: Правда, 1977. – 721 с.
15. Собрание сочинений К. М. Станюковича: в 13 т. – Т. 12: Жрецы; Черноморская сирена; Нянька; Матроска; Маленькие моряки. – М.: Издание А. А. Карцева, 1898. – 553 с.

16. Турышева, О. Н. Прагматический подход в литературной науке [Текст] / О. Н. Турышева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 1 (39). – С. 150–159.
17. Фадеева, Т. М. Крым в сакральном пространстве [Текст]: история, символы, легенды / Т. М. Фадеева. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. – 302 с.
18. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 432 с.

CRIMEAN MYTH IN THE WORKS BY K. M. STANJUKOVICH (BASED ON THE NOVELS THE BLACK SEA SIREN AND THE HONEYMOON)

Ye. Yu. Lisitsyna

Summary. In the modern literary studies, the relevant topic is that one of the relationship between the concept of topos supertext and the concept of myth. Since the cognition of the world occurs mainly through a literary or artistic work, they are called myths or contain many structural and substantive elements of myth (mythologem, mytheme) that are crucial for the understanding and evaluation of the work. Our study focuses on the study of the structural components of the Crimean myth, which becomes the «foundation» for the formation of the Crimean text. It should be noted that myth is constantly evolving, so it displays cultural changes at different historical stages. This article shows the segments of the myth of the 19th–20th centuries, which are present in K. M. Stanyukovich' works *The Black Sea Siren* and *The Honeymoon*. Details the mythologems of «the Muslim land» (place names, cultural objects, the myth of the fountain of Bakhchisarai), «an expensive vacation», «private place» and «Crimean landscape», mytheme of Parthenon and Serena. Each of the considered components of the Crimean myth does not function only within the artistic texts of K. M. Stanyukovich, they were formed earlier, and were updated and expanded in Stanyukovich' works.

Keywords: Crimean myth, mythologem, mytheme, K. M. Stanyukovich.

References

1. Vyshyna M. Paradigma Klyuchovikh Ponyat' Mifologichnogo Analizu Hudozhn'ogo Tekstu [Key Concepts Paradigm of Literary Text Mythological Analysis]. Visnyk Zhitomir'skogo Derzhavnogo Universitetu. Filologichni Nauki, 2010, no 55, pp. 140–143.
2. Gazetnye Starosti: Obzor Russkikh Gazet Nachala XX Veka [Older Newspapers: a Review of Russian Newspapers of the Early Twentieth Century]. Available at: <http://www.starosti.ru/>. (accessed 1 February 2017).

3. Gutsol S. Psikhologichni Osoblyvosti Strukturnykh Skladovikh Neomifologichnogo Naratyvu [Psychological Characteristics of the Structural Components of Neomythological Narrative]. *Visnik NTUU KPI. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2011, no 1, pp. 103–108.
4. Dyakonov I. M. Arkhaicheskie Mify Vostoka i Zapada [Archaic Myths of East and West]. Moscow: Librokom Publ., 2009. 248 p.
5. Kobylko N. A. Mifologema kak Klyuchevoe Ponyatie Mifokritiki: Sovremennyye Podkhody [Myth as a Key Concept Metacritic: Modern Approaches]. *Sovremennaya Filologiya*. Ufa: Leto Publ., 2014, pp. 4–6. Available at: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5817/>. (accessed 26 February 2017).
6. Kuryanov S. O. «...Tainyi Klyuch Russkoi Literatury» : Genezis, Struktura i Funktsionirovanie Krymskogo Teksta v Russkoi Literature X–XIX Vekov [...the Secret Key of Russian Literature: Genesis, Structure and Functioning of the Crimean Text in Russian Literature of 10th–19th Centuries]. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2014, 424 p.
7. Lyusyi A. P. Krymskii Tekst v Russkoi Literature [Crimean Text in the Russian Literature]. Saint-Petersburg: Aleteya Publ., 2003. 314 p.
8. Markov E. L. Ocherki Kryma: Kartiny Krymskoi Zhizni, Istorii i Prirody [Essays of Crimea: the Pictures of Crimean Life, History and Nature]. Simferopol': Terra-AiTi Publ., 2015. 528 p.
9. Literaturoznavcha Entsiklopediya [Literary Encyclopedia]: in 2 vol.. Vol. 2, Akademiya Publ., 2007. 624 p.
10. Orekhova L. A. «Bakhchisaraiskii Fontan» A. S. Pushkina v Literature Puteshestvii po Krymu: Problemy Interpretatsii [The Fountain of Bakhchisarai by Alexander Pushkin in the Literature of Travels across the Crimea: Problems of Interpretation]. *Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2015, no 1, pp. 258–265.
11. Sosnogorova M. Putevoditel' po Krymu dlya Puteshestvennikov: s Prilozheniem Stat'i: «Bereg Kryma ot Feodosii do Evpatorii kak Klimato-Lechebnaya Mestnost'» [Guide to Crimea for Travelers: with The Coast of Crimea from Feodosia to

- Yevpatoria as a Climate-Healing Area Attached. Odessa: L. Nitche Publ., 1874. 362 p.
12. Rashhevskaya E. P. Kosmogonicheskiy Mif Daniila Andreeva i Kul'tura Serebryanogo Veka: Avtoref. Dis. ... Kand. Kul'turologii [Daniil Andreyev's Cosmogonic Myth and the Culture of the Silver Age]. Kirov, 2006. 17 p.
 13. Stavitskii A. V. Ontologiya Sovremennogo Mifa [Ontology of the Modern Myth]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 544 p.
 14. Sobranie Sochinenii K. M. Stanyukovicha. In 10 vol. Vol. 10. Moscow: Izdanie A. A. Kartseva Publ., 1898. 553 p.
 15. Sobranie Sochinenii K. M. Stanyukovicha. In 13 vol. Vol. 12. Moscow: Pravda Publ., 1977. 721 p.
 16. Turysheva O. N. Pragmaticheskiy Podkhod v Literaturnoi Nauke [A Pragmatic Approach in Literary Science]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya, 2016, no 1 (39), pp. 150–159; DOI: 10.17223/19986645/39/13.
 17. Fadeeva T. M. Krym v Sakral'nom Prostranstve: Istoriya, Simvoly, Legendy [Crimea in the Sacred Space: History, Symbols, Legends]. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2002. 302 p.
 18. Sheigal E. I. Semiotika Politicheskogo Diskursa: Dis. ... D-ra Filol. Nauk [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, 2000.